

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН

УНИКУМ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Военная боевая фантастика»
Выпуск 2

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Поселягин, Владимир Геннадьевич

П61 Уникум: роман / Владимир Поселягин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 352 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-133078-1

Его всегда считали везучим. Ростислав не отрицал, он таким и был. И в этот раз судьба была на его стороне. «Боинг» сбит зенитной ракетой, все пассажиры и экипаж погибли, но один пассажир выжил. Точнее, выжила его душа, оказавшись в прошлом и в другом теле. А впереди одна из страшнейших войн в истории. Ему придётся изрядно постараться, чтобы выжить. Хотя он и так не промах.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-133078-1

© Владимир Поселягин, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

Очнулся я в тот момент, когда меня переворачивали, — от болей по всему телу, — и застонал сквозь зубы. Похоже, обмывали — знакомые ощущения. Как-то меня пяток гопников чуть до смерти не забили, в больнице так же себя чувствовал. Этих гопников потом закопали, отморозки из бандитов девяностых, что из тюрьмы вышли. Но сейчас помнил точно: не гопники постарались. Да уж, гробанулись так гробанулись. Я уж думал, всё, изменила мне удача, а тут гляди-ка, выжил. Летели мы из Египта, и вдруг взрыв в хвосте, самолёт начал разваливаться и фигурки людей полетели вниз. Вот и я, привязанный к креслу — целый ряд из трёх кресел был, — вопя, летел вниз. И почему на такие случаи парашюты в креслах не устраивают? Дёрнул за верёвочку, и купол открылся. Помнил, как падали, ветер резал глаза, выбивая слёзы, рядом визжали две загорелые девушки, а потом удар о воду, и всё. Уже тут очнулся. Да ещё как-то быстро.

— Очнулся? — отреагировав на мой стон, поинтересовалась пожилая санитарка в странном халате с завязками не спереди, а сзади. Она меня и обмывала, к слову. — Тебя только что из тюремной больницы привезли. Очнулась вчера девочка, рассказала всё. Разобрались, что это не ты ее снасильничал, а те трое. Родители твои завтра утром придут, а пока лечись.

Я же от непонимания случившегося просто молча пучил глаза, точнее, один глаз, второй так заплыл, что не открывался, и пытался понять, что происходит. Тут на меня навалились образы, перегружая и так переполненную память, и я опять вырубился, не видя уже, как испуганно захлопотала вокруг меня санитарка.

В этот раз пробуждение было куда тяжелее. Несколько секунд я лежал, тупо глядя в белённый известью потолок, анализируя новую память. Да, приплыл. Читал я книги о попаданцах, так что знаю, о чём говорю. Значит, я погиб, но удача и моя фортуна не подвели, выжил, переместившись в прошлое и в новое тело. Раньше звали меня Ростиславом Бардом. В детстве так называли, директор у нас был почётным бардом в ближайшем клубе ДК, он же меня на музыку и посадил, а имя мне по очерёдности в списке досталось. Мать, будучи ещё школьницей, отказалась от меня сразу в роддоме. С детства я был инвалидом. К счастью, не ума, одна нога короче другой на десять сантиметров. Видимо, сказалось то, что родительница молода была. Я уже потом нанял детектива, и он нашёл её. В тринадцать лет родила, каково?

Что я о себе могу рассказать? Я с детства был удачливым. Не говорю, что везло во всём и как сыр в масле катался, но если за что-то брался, то у меня это выходило. Думаю, именно поэтому я стал... кладоискателем. Удачный выбор. К моменту гибели, когда мне двадцать восемь исполнилось, я имел в Москве восемь квартир — семь сдавал и в одной жил сам, — дорогой внедорожник и второй старый «Дискавери» для выездов на поиск кладов. Работал в столице, и надо сказать, много чего тут есть, я один больше двух сотен кладов нашёл. Вот с выездами на природу не так везло, всего три крупных клада и шесть небольших. Чем я увлекался? Путешествия и женщины. По последним:

не знаю, может, раньше это психологической травмой было, но мой выбор всегда был одинаков. Внешность не важна, главное, чтобы это была сильная и уверенная в себе особа с командными замашками. Причём подкаблучником я не был. Однако первой женщиной у меня была всё же одна из девчат старшей группы детдома. Вот детей у меня не было, переболел в детстве одной болезнью и стал бесплодным. Да и боялся я маленьких детей. Хрупкие слишком. Понимал, что это дурацкая боязнь, но ничего не мог с собой поделать. Всю жизнь был холостяком и личной свободой очень дорожил. Зато очень многие одинокие женщины мне благодарны — с некоторыми до сих пор встречаемся, точнее встречались. А в завещании написано, что все квартиры отойдут моему детдому в Уфе. Машины продадут, и деньги тоже уйдут на счёт детдома.

По второй моей страсти, путешествиям: последние пять лет я проводил полгода дома, в поисках кладов, и полгода в поездках. Особенно мне Южная Америка нравилась, а так как там в основном испанский в ходу, я в охотку его изучил. Тем более одна из знакомых была учительницей по иностранным языкам, как раз испанскому. В универе преподавала, на инязе. Я туда поступить пытался, решив покорить столицу, но не прошёл по конкурсу. Детдомовских туда не брали, на свободные места только и только бластных, но с преподавателем в приёмной комиссии познакомился. Год жили вместе, пока не разбежались, так что дала мне основы испанского и английского языков. После трех неудачных попыток поступить в разные высшие учебные заведения я плюнул на это дело. Так что после окончания школы нигде не учился и занимался поисками. Испанским я владел в совершенстве, а английским не так хорошо, лёгкий акцент присутствовал, ну и начал учить третий язык — китайский, основы получил,

но развить не успел, погиб. Сложный язык, надо сказать, пока только триста слов запомнил. Мизер. А изучать начал, потому как три года назад переключился на отдых в Азии, это я о Филиппинах и всём, что вокруг, включая Индию, а китайский там в ходу. Впрочем, как и английский. Брал моторную катер-яхту напрокат и отдыхал, путешествуя по местным морям неделями, бывало и по паре месяцев. А как же в Египте оказался? Да без денег фактически был, на широкую ногу же жил, и отчислений по квартирам не хватало, а из находок всего два клада, да и те мизер. Вот и полетел в Египет. В Эмиратах я уже был, а тут решил с другой стороны Красного моря побывать. Два месяца отдыхал, меняя города и отели — принципиально не пользуюсь туристическими агентствами. Покупал билет и летел, бронируя номер через интернет. Оно так заметно дешевле. Так вот, в Египте мне не понравилось, народу много, особенно наших — борзоты и быдла. Поэтому жил в дорогих отелях, где были свои пляжи, там наши тоже были, но куда меньше. В основном туристы из других стран: итальянцы, германцы. А вообще я могу сказать так, за девять лет — а я с восемнадцати путешествую — много где побывал: в США, в той же Бразилии не раз... Мою жизнь можно долго описывать, она у меня ярко и хорошо проходила.

Теперь про жизнь Глеба Русина, в тело которого я попал. Знаете, очень некрасивая история вышла. Однако по порядку. Глеб в семье был нелюбимым ребёнком. Сам он так не считал, но я, прокрутив его память, пришёл именно к этому выводу. Не нравилась мне его семья. Ну вот прям не нравилась, и всё тут. По факту воротило от этих людей. Да, я детдомовский и, как все воспитанники, мечтал в детстве, что придёт мама и заберёт меня, но розовые очки спали после десяти лет. Понимаю, что поздно, но я ещё тот фантазёр и мечта-

тель. Поэтому пусть я детдомовский и семья для меня святое, я этих людей за семью не считал и решил, что это удобный способ отказаться от них, объявив себя сиротой. Тем более Глебу уже восемнадцать исполнилось два месяца как, совершеннолетний. Что вообще произошло? Глеб шёл с тренировки, он тяжёлой атлетикой увлекался, хотел на отца походить и, чтобы нравиться девушкам, считал, что у мужчины должна быть красивая фигура (я, к слову, так же считал и был завсегдаем качалок). Так вот, когда он возвращался с тренировки, услышал то ли писк, то ли вскрик, рванул на шум в кусты, а там трое. Девчонку лет четырнадцати удерживали и совершали действия насильственного характера. Вот он и вломился и начал бить эту тройку. Тут на шум патруль милиции подошёл. Повязали всех. Девчонка без сознания, её сразу в больницу. Тройка пела как соловьи, что застали Глеба над насилием, пытались помешать, но тот хорошо дрался — все три морды наливающимися синяками изукрашены были. Ну а так как один из подростков был сыном секретаря исполкома, ясно, кому поверили. Родителей Глеба вызвали, а те, ворвавшись в кабинет, не стали ругать Глеба. Мать молча стояла, наблюдая, как отец, сбив того со стула, стал избивать. Следователь не мешал, просто смотрел. Отец у Глеба под два метра, кулаки что кувалды. Сам Глеб в мать пошёл, невысокий, но про таких говорят, крепко сбит и ладно скроен. Вот отец настоящий громила двух метров ростом. Избивал профессионально, пусть не боксёр, всё же хирург, нельзя калечить руки, но куда бить, знал. Нос сломал, пару зубов выбил, потом ногами по животу, рёбрам, старался в пах попасть. Мне кажется, Глеб там и умер, от предательства родителей. Кричал, что не виноват, но ему не поверили. Потом всё затопила темнота, и в его теле очнулся уже я. Как я понял санитарку, девчонка

очнулась и правду рассказала, и из тюремной больнички меня в обычную перевезли. Непонятно зачем. На месте не могли вылечить?

Что еще про Глеба. Сам он в Москве родился, это родители его из понаехавших (к слову, сам я из Уфы родом, в Москву поступать в иняз приехал, да так и остался). Семья профессиональных врачей у Глеба. Мать педиатр, отец хирург. Старший брат в медицинском учится, на последнем курсе, в следующем году интернатура. Глеб, закончив десять классов, тоже подал документы в медицинский университет, но я не он, медицина меня не привлекает. Да и пока не понятно, что делать. Нужно обдумать всё. Время есть, пока в больнице нахожусь. Так вот, помимо родителей и старшего брата у него есть две младшие сестры-близняшки десяти лет. Тоже врачами хотят стать.

Как я уже говорил, Глеба в семье не любили, и всё старший брат. За что он ненавидел младшего, я так и не понял, хотя всю память просмотрел. Однако факт остаётся фактом, портил репутацию брата как мог, подставлял. Может, это тоже наложилось? Знали, что Глеб ходок, и веры ему нет. Старший брат даже сестёр подговаривал, те шустрые, с шилом в задницах, мелкие пакостицы — это про них, и пакостили они Глебу. Однако он прощал. Вообще не злобливый был, прощать умел. Но у меня другой характер. С такой семейкой никаких врагов не надо, и хорошо, что для меня они чужие и привыкать к ним не нужно. Еще у Глеба бабушка по матери была, в Подмосковье жила, но умерла полгода назад. Мать тут же продала её дом, девяти дней не прошло, хотя Глеб хотел оставить его себе. Вот кого он любил всем сердцем, и смерть бабушки стала для него сильным потрясением. На самом деле Глеб военным хотел стать, танкистом, и по росту подходил, но родители мечтали о том, что все в семье врачами будут,

а он не смел отказать. Документы поданы, уже принят, в следующем месяце начаться занятия должны, но мне это не интересно. Да, забыл сообщить. Сейчас на дворе август тысяча девятьсот сорокового года. Вот такие дела...

Да, судя по виду из окна, сейчас утро, значит, всю ночь я знания принимал. А судя по шуму за дверью и довольно громкому, знакомому женскому голосу, пришли родители Глеба. Говорить я не пробовал, всё болело, но если смогу, всё выскажу и пошлю их так далеко, как смогу, обрывая все родственные связи. Да и какие тут связи? Не было их никогда.

Глава 1

ВЖИВЛЕНИЕ

Поправив пилотку, я вышел из ворот военной академии. Основана эта академия по постановлению Совета труда и обороны СССР приказом Реввоенсовета СССР от тринадцатого мая тысяча девятьсот тридцать второго года как Военная академия механизации и моторизации РККА имени И. В. Сталина, на базе факультета механизации и моторизации Военно-технической академии имени Ф. Э. Дзержинского и Московского автотракторного института имени М. В. Ломоносова. Несмотря на то что выпускались тут со всех четырёх факультетов командиры в звании лейтенантов и соответствующих им, у меня в чёрных петлицах адели треугольники сержанта бронетанковых войск. Сегодня было четвёртое июня тысяча девятьсот сорок первого года. Пока шло всё как и задумывалось, пусть и не по плану.

Осмотревшись, я помахал рукой знакомой, к которой бегал во время увольнительной, да и в самоволку, чего уж тут, и, переложив чемодан из правой в левую руку, быстрым шагом направился к ней. Знакомая дивчина двадцати шести лет от роду с уже заметным животиком — моя работа — улыбнулась и позволила себя обнять. Мы же, не обращая внимания на недоумённые взгляды — разница в возрасте была заметна, да и не принято тут так свои чувства проявлять, но нам было

всё равно, — крепко поцеловались. Вдова морского командира-подводника, погибшего в Финскую, подхватила меня под локоток и поинтересовалась:

— Надолго отпустили?

— Поезд вечером.

— Успеем, — улыбнулась она, и мы быстрым шагом направились к квартире.

Светлана Иванова, несмотря на то что всего два года назад жила в Ленинграде, где служил муж, после его гибели перебралась в столицу, благо поступило неплохое предложение по её специальности. Она была технологом-производителем. Работала на местном автозаводе, где выпускали грузовики ЗИС. Вот как ценному специалисту ей и выделили из резервного жилого фонда небольшую квартирку. Пусть небольшая, зато не коммуналка. То, что будущего у нас нет, она хорошо знала, но своего женского счастья упускать не желала. Ну и попросила её ребёнка заделать. Будет одна воспитывать. А я, когда мы встретились, сильно сомневался, что агрегат будет работать, да и что дети у меня будут. Отец Глеба отбил ему всё. Видели яйца у быка? Когда я свои осторожно и морщась нащупал, они были такого же размера, да ещё переливались синим. Потом, конечно, опухоль сошла, но травма серьёзная, мог инвалидом стать. К счастью, обошлось.

Когда я впервые сам увидел родителей Глеба, а не из его памяти образы взял, жуткая ненависть к ним так и колыхнулась, однако я её скрыл, не задавил — злоба так и клубилась, — но не показал. Материть и ругать я их не стал, просто тихим голосом сказал:

— Я сирота, родственников у меня нет. Попрошу покинуть палату.

После этого отвернулся и закрыл глаза, не общаясь с неприятными мне людьми. Они приносили извинения, но я молчал, так что, потоптавшись, всё же ушли.

Что интересно, у меня была одноместная палата, явно для большого начальства. Да и сама больница именно та, где родители Глеба работали. Видимо, они и подсустились, чувствуя свою вину. Однако прощать их я не намерен.

К концу сентября, когда меня, наконец, выписали, мать одна пришла встретить. Глянув в её глаза, полные тоски, я отвернулся и ушёл. Уже все поняли, что сына и брата они потеряли, а эта ходит. Прощать её было не за что. Муж её был махровым подкаблучником, а она смотрела в кабинете следователя, как избивают Глеба, и молчала. А теперь прости-извини? Идите на хрен. Я так им и сказал. Вообще-то стоило бы подольше полежать. Всё же сломан нос, правая рука, два ребра и ещё в двух трещины, внутренние травмы, отец Глеба бил тяжёлыми сапогами в живот, однако причины попросить выписать пораньше были. Я долго думал и размышлял, пока лежал в палате, что делать дальше и как жить. То, что жить буду хорошо, это и так понятно, помню все захоронки, что находил в столице. Тут другое. Знаете, мне нравятся люди этого периода, они добрее и душевнее. Я не говорю о родителях Глеба, дерьмо всегда найти можно. Тут как большая семья, всегда придут на помощь. Причём тут не только воспоминания Глеба, но и мои собственные впечатления от работников больницы. Окровавленную одежду постирали, погладили и выдали при выписке. Сами. Родители не просили, похоже, даже не вспомнили. Кстати, отношение к ним здесь изменилось. Я особо не скрывал того, что произошло с Глебом, так что большая часть работников больницы была на моей стороне.

Скоро война, и оставаться в стороне я не хотел, а желал воевать, закончить войну фронтовиком, опытным солдатом. Может быть, даже офицером. Потом устроюсь в столице и буду жить дальше. С путеше-

ствиями завязать можно, ну или летом по Союзу путешествовать, тоже большая страна с интересными уголками. Но до этого ещё дожить нужно, так что планов я особо пока не строил. Да, можно отсидеться в тылу, возможности есть. Или сообщить правительству как-нибудь, что я из будущего, так мне обеспечат безопасную жизнь. Пусть в клетке, даже не золотой или серебряной, но безопасной. У многих свои мечты есть, у меня тоже. Одна из них — это встретить войну на западной границе. Однако не хочу летом сорок первого, будучи призванным и необученным, быть брошенным под танки с одной винтовкой. Может, это и вранье историков будущего, но такие случаи были. В общем, я решил получить воинскую специальность, хоть какой-то теоретический опыт перед началом войны, и стать одним из немногих, кто прошёл её от начала и до конца. Надеюсь, моя фортуна не подведёт. Лётчиком бы стать, эта специальность и после войны может пригодиться, но по времени не успеваю.

А вот сообщить правительству о скорой войне я просто обязан. Надеюсь, так меньше граждан погибнет. Информацию я собирался передавать письмами. Так и сделал. Покинул больницу в десять часов утра. Мелочи, что дали санитары, хватило доехать до университета, где я забрал документы. Учёба уже началась, но родители Глеба договорились, что я нагоню однокурсников. Но учиться я отказался, хотя Глеб закончил школу с золотой медалью и был не дурак, учёба давалась ему легко. Что интересно, я и сам был из таких уникалов, но детдомовских не брали в университеты, тем более иногородних, — иди в училище. В общем, решение было принято, и документы мне вернули.

Затем я посетил дом, где на чердаке были закопаны золотые монеты, два десятка всего. В насыпке для утепления был небольшой схрон. Оружия там не было,